

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

УДК 82.03

МАСТЕРСТВО ПЕРЕВОДА РУСТЕМА КУТУЯ

М.В. Небольсина

Аннотация

Статья посвящена мастерству поэтического перевода Рустема Кутуя на русский язык стихотворений татарских поэтов. На примере переводов произведений С. Хакима, Р. Файзуллина, М. Аглыма, Зулфата раскрыты принципы и в целом специфика работы Р. Кутуя над переложением на русский язык татарского поэтического текста. Особо отмечено уважительное и бережное отношение Кутуя-переводчика к культурному наследию татарского народа.

Ключевые слова: Р. Кутуй, перевод, поэтический язык, мастерство, татарская поэзия.

Рустем Кутуй (1936–2010) – сын классика татарской литературы Аделя Кутуя, татарин по рождению, воспитанный на русской литературе, – был писателем, поэтом, блистательно владеющим русским литературным языком. При этом он не только сохранил этнические корни, но и остался преданным сыном татарского народа и с огромной любовью писал о нем и его истории.

Рустема Кутуя отличает уважительное и бережное отношение к татарскому культурному наследию. Много стихотворений, написанных им в разные годы, посвящено национальным деятелям литературы и искусства: Дэрдменду, Наби Даули, Мусе Джалилю, Габдулле Тукаю, Хасану Туфану, Салиху Сайдашеву. Немалое место в его творческой деятельности занимают поэтические переводы татарских поэтов на русский язык.

По словам Равиля Файзуллина, народного поэта Татарстана, главного редактора журнала «Казан утлары» («Огни Казани»), литераторами слово «переводчик» воспринимается как синоним слова «друг», «ведь переводчик – проводник твоей души» [1, с. 217]. Только друг, близкий автору по духу человек, знающий его мировоззрение, понимающий его душу, может передать на другом языке ощущения, состояние, настроение, которыми проникнут текст оригинала.

Среди современных поэтов и писателей Республики Татарстан немало тех, кто мог бы причислить Рустема Кутуя к своим друзьям. Это Сибгат Хаким, Салих Баттал, Нури Арсланов, Рашид Ахметжанов, Мударрис Аглымов, Зия Мансуров, Равиль Файзуллин, Гариф Ахунов, Амирхан Еники, Вакиф Нуруллин,

Магсум Насыбуллин и другие. Многие произведения этих авторов русскоязычные читатели открыли для себя благодаря тонким, искренним переводам Рустема Кутуя.

Будучи молодым, но уже достаточно знаменитым поэтом, Р. Кутуй никогда не отказывал в помощи начинающим авторам. В 1964 году Татарский Обком комсомола проводил семинар молодых поэтов, на котором присутствовали Н. Беляев, И. Данилов, Р. Кутуй и многие другие. Молодой татарский поэт Равиль Файзуллин обратился к Рустему Адельшевичу с просьбой перевести одно из его стихотворений. Кутуй сразу же согласился и, взяв подстрочник, через некоторое время перевел несколько стихов Р. Файзуллина, которые уже через год были отмечены на Всесоюзном телевизионном фестивале молодых поэтов.

Равиля Файзуллина поэт переводил всегда с удовольствием. Он сравнивал его стихи с ледяной водой из овражного ключа, которую можно пить, не боясь простуды, а потом сесть на старый, покрытый мхом валун и подумать о жизни:

Я – как птицы крыло меж землей и небом,
Я – как излука реки,
Я – как воздух между прошлым и будущим.
Я – как щит между подлостью и отвагой,
Я – всего лишь один гвоздик
В свае моста поколений.

[2]

В переводах татарских поэтов, которые лишь частично являются переводами, но в большей степени – самостоятельными сочинениями, Рустем Кутуй стремился воссоздать поэтические образы, прибегая к метафорам, отличающимся национальным колоритом.

Метафора у него является ярким изобразительным средством, которое во многом влияет на эстетическую ценность оригинала и в значительной мере определяет индивидуальный стиль автора:

Древние губы целую,
Как травы целуют кони.
...Как прашур мой,
Нежный и грубый,
Перед последним боем
Саблю точу.

[3]

Известный писатель и литературовед Рафаэль Мустафин восхищается языком Рустема Кутуя, стихи его называет изумительными. Он отмечает, что аналогии его поэтического письма очень редко можно найти у авторов тюркского происхождения, пишущих на русском языке [4, с. 116].

Кроме безукоризненного владения родным языком – а им для Рустема Кутуя волею судеб стал русский – ему, как переводчику, было необходимо проникновение в язык оригинала, глубины его неповторимой лексики и стилистики. И хотя поэт не знал в полной мере татарского языка, благодаря чуткой интуиции и «абсолютному» слухом, он улавливал глубинное течение стихотворения.

Таким образом, языковую стихию татарского народа поэт обрел, «сращивая» два столь несхожих поэтических мира – русский и татарский.

Известный татарский поэт Сибгат Хаким крайне требовательно относился как к своему творчеству, так и к творчеству других, но он всегда с удовольствием доверял свои стихотворения Рустему Кутую. Он не раз отмечал его поэтические переводы и без колебаний публиковал их.

Порой в творческом порыве Рустем Кутуй к оригиналу добавлял целые строфы, но на редкость щепетильный Сибгат Хаким соглашался с такими явными отступлениями от оригинала. Он оценивал переводы своих стихотворений не по внешним признакам, а по восприятию образов, которые были в них. Ведь переводчик прочел стихи по-своему, как ему подсказало сердце, сумел задеть ими душевные струны читателя, и это вовсе не противоречило тому, что выразил сам Сибгат Хаким.

Кутуй переводит очень тонкое стихотворение Сибгата Хакима «Сабантуй в Арске», и мы видим в этом переводе отражение личности Кутуя:

Не тронь меня, аллах, не тронь,
Покуда жар не схлынет сабантуя,
А после – ветры пусть задуют
Моей души огонь, моей души огонь.
Вздохнет майдан, последний вздрогнет конь
И остановит твердое копыто.
О, в этот час, когда вся даль открыта,
Не тронь меня, аллах, не тронь.
И вот уже цветами машет луг.
Вечерний поезд – радость моей жизни –
Меня легонько в уголок притиснет
И, сердцу в лад, затеет перестук.

[5, с. 61]

Сибгат Хаким на русском языке публиковался больше, чем на татарском. Он не был обделен вниманием ни Казани, ни Москвы. И вполне естественно, что вокруг него сложилась целая группа профессиональных переводчиков: Рувим Моран, Николай Беляев, Ярослав Смеляков, Михаил Львов, Тамара Ян, Равиль Бухараев, – каждый из них имел свой стиль.

Рустем Кутуй явно отличался от других в ряду переводчиков произведений С. Хакима. Для него не существовало понятия техники перевода, он просто жил этой поэзией, пропускал ее через себя, свое сердце. Переведенные им стихотворения были выстраданы и становились самостоятельными произведениями.

Если сравнить оригинал стихотворения Сибгата Хакима и перевод его, сделанный Рустемом Кутуем, можно подумать, что это произведения двух разных поэтов:

Минем сугыш алдындагы туйда
Хәсән Туфан туйны ярды соң!
Бар тавышка: «Ачы, ачы!» – диде,
Сизгән кебек ачы язмышын.
Муса Жәлил аннан басты торып:
«Шампанский, Хәким, ач элек...»

Ачтым... «Ачы!» – диде, шуннан бирле.
Яна йөрәк, яна ачынып.
Тукайдагы тәрәзэләр минем
Тавышыннан Гадел Кутуйның
Торды зыңлап, соңгы көнемәчә
Тик ачысы калды ул туйның.
Туйдагыча кабатланды бар да,
Кабатланды «ачы», чиратлар...
Колагымда тавышлары яңгырый,
Бер-берсеннән ерак зиратлар.

Довоенная свадьба. Просторный стол.
Медовый чак-чак и рядышком соль.
Хасан Туфан поднимает тост:
«Две жизни – один самый нужный мост...»
Горько! Горько!
А впереди испытаний сколько!
Сладкой покажется черствая корка.
Горько!
Шампанского взрыв. Встает Муса:
«Влюбленным чистые небеса...»
Горько! Горько!
Как будто в сердце предчувствия горя,
А здесь же плещется радости море.
Горько!
Стекла звенели. Летела кровь.
«Огромен мир. Бессмертна любовь...»
Адель Кутуй улыбался так,
Всякая горесть была пустяк.
Горько! Горько!
...Польские ивы стоят на взгорье.
На братском кладбище тихие зори...
Горько.
Довоенная свадьба... Но до сих пор
Те голоса –
Как лавины с гор.

[5, с. 35]

В оригинале это совершенно другое стихотворение, написанное в обычной для Сибгата Хакима спокойной манере. Однако форма обманчива. На самом деле у Сибгата Хакима спокойствие весьма напряженное, оно прячется за размеренностью строф.

Рустем Кутуй не мог быть таким же внешне спокойным, как Сибгат Хахим, и его личные ощущения вылились в рефрен «Горько! Горько!». Можно было бы даже сказать, что он заново написал стихотворение о предвоенном времени и своем отце, ведь там появились строки, которых нет в оригинале: «Польские ивы стоят на взгорье. На братском кладбище тихие зори...». Но это не новое стихотворение, это свое прочтение Хакима.

Рустема Кутуя охватывают те же самые чувства, воспоминания, которые были с ним со времени расставания с отцом, уходившим на фронт и погибшим

в Польше через месяц после окончания войны. В его жизни отец значил слишком много, он был для Рустема недостижимым идеалом. В детстве Рустем жил ожиданием возвращения родного человека, для общения с которым судьбой было отпущено так мало времени. Он помнил, как отец приезжал на побывку, а после этого его сердце наполнилось еще большим, несбывшимся ожиданием.

По точному замечанию Евгения Евтушенко, поэт ощущает себя не только собой, но всеми людьми на белом свете [6, с. 118]. Рустем Кутуй на основе подстрочника оригинала создает свою собственную поэтическую версию, которой читатель, безусловно, верит, не ощущая никакой фальши. Он умело передает волнения души переводимых авторов, что становится возможным благодаря его огромному таланту и напряжению всех душевных сил.

Сравним, к примеру, следующее четверостишие Сибгата Хакима и перевод, выполненный Рустемом Кутуем:

Төштә нәрсә күргәнлеген беләм
Мусаның мин үләр алдыннан:
Туган авылы... Әнисе мич яккан,
Кабартмалар пешерә ак оннан.

[5, с. 91]

Ритмика татарской и русской поэзии настолько сильно отличаются, что точный перевод практически невозможен. Из этого, на наш взгляд, и исходит Рустем Кутуй в своей работе.

Вот так выглядело бы стихотворение, если бы С. Хаким писал по-русски:

Я знаю, что видел Муса
Перед смертью во сне...
Родная деревня.
Мать печь затопила.
Лепешки из белой муки,
На столе, словно снег.
А солнце окно ослепило.

[5, с. 91]

Поэтический перевод очень многим схож с творчеством музыканта. Можно владеть обоими языками, владеть техникой стихосложения, но если переводчик лишен того, что в музыке именуется слухом, вся его работа будет либо какофонией, либо унылой и скучной мелодийкой. То же можно сказать и о даре импровизации, в том числе и поэтической. Нет его – не стоит даже браться за дело!

Поэт-переводчик несет большую ответственность за то, что он пишет. Для него важен выбор слова особенной художественной точности, которое должно раскрывать не только прямое значение заложенного в нем понятия, но и массу различных оттенков.

У Рустема Кутуя нет ординарных переводов, и их не может быть в силу его характера. Переводчик художественной литературы должен не только владеть писательским мастерством, но и любить авторов, с которыми работает. Без души переведенная книга не станет интересной читателю.

Поэту, как никому другому, удавались переводы стихотворений татарских авторов, причем, по мнению Равиля Файзуллина, тексты от этого только выиг-

рывали, становились лучше, богаче. Увидев, что переводы его первых поэтических опытов местами значительно отличаются от оригинала, Р. Файзуллин спросил Р. Кутуя: «Вам не жалко такие яркие краски тратить на чужие стихи?» Кутуй ответил: «Какая разница, чье имя под ними, была бы поэзия – она же общая...» [1, с. 217].

Поэзия не существует вне языка. Некоторые теоретики литературы считают, что стихи живут только в своей культурной среде, на языке оригинала. Поэзия, в отличие от прозы, более чувствительна к языку, поэтому, как правило, стихи трудно и плохо переводятся.

Р. Кутуй легко находит для своих переводов единственно верные слова: нежные, гневные, взволнованные или восторженные... Его талант делает поэзию поэзией и создает непередаваемую прелесть изображаемого:

Опять пыльцу из венчика цветка
Уносит ветерок. Из колыбели
Вверх распускается рука,
Как гибкий стебель.

[7]

Рустему Кутую нравилось переводить созвучные его душе стихотворения Мударриса Аглямова. Поэзию его Кутуй называл естественной, как «разнотравье цветущего луга в сенокосную пору», глубокой, как «донное течение реки, скрытое под поверхностными струями» [8].

Перевод – это всегда словно окно в другой мир, в котором мы видим различные города и страны, другую эпоху, разных людей. Задача переводчика состоит не в том, чтобы перевести слова, и даже не в том, чтобы воссоздать художественные достоинства оригинала, а в такой переработке темы, которая рождала бы впечатление, подобное возникающему при чтении оригинала. Тогда перевод становится не столько копией, сколько эквивалентом и показывает, как написал бы автор, если бы создавал свой текст на языке переводчика.

Вот свидетельство Амирхана Еники: «Я очень радовался, когда моя книга выходила на русском языке. Это надо не только для русских. Половина татар читает на русском. Как ни оценивай – это факт. Однако я, как писатель, в переводе все-таки теряю. Ощущаю дискомфорт. Но ведь и оригинал есть. Перевод его не отменяет. Поэтому я спокоен, поэтому - у меня радость, что книга попала к широкому читателю...» [9].

Язык Рустема Кутуя, гибкий и живописный, свежий и сочный, полный интересных находок, обнаруживает глубокую связь с традициями татарской народной поэтической речи. Поэт умеет тонко проникнуть в дух художественных образов и представлений, несколькими штрихами нарисовать пейзажную картинку, привести меткое сравнение...

Несмотря на то что переводы Рустема Кутуя являются восстановлением оригинала стихотворения по подстрочнику, вариацией на тему, а не переводом как таковым, благодаря его работе стихи многих татарских поэтов стали доступными миру. В этом его большая заслуга перед татарской культурой, достойная глубокого уважения.

Summary

M.V. Nebolsina. Rustem Kutui's Mastery of Translation.

This article focuses on Rustem Kutui's Russian poetic translations of Tatar poems. On the example of the works of S. Khakim, R. Faizullin, M. Aglyam, and Zulfat, principles and main peculiarities of R. Kutui's work on the translation of a Tatar poetic text into Russian are revealed. The author emphasizes respectful and solicitous attitude of R. Kutui towards the cultural heritage of Tatar people.

Key words: R. Kutui, translation, poetic language, mastery, Tatar poetry.

Литература

1. *Файзуллин Р.А.* Щедрость мастера // Файзуллин Р.А. Избранные произведения: в 6 т. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – Т. 6. – С. 217–220.
2. *Кутуй Р.* Уход // Вечерняя Казань. – 1981. – 14 июля.
3. *Зульфат.* Стихи // Казань. – 1994. – № 3/4. – С. 12.
4. *Мустафин Р.А.* Силуэты. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 351 с.
5. *Хаким С.* Серебряный дождь. – Казань, 2011. – 152 с.
6. *Евтушенко Е.* Талант есть чудо неслучайное. – М.: Сов. писатель, 1980. – 439 с.
7. *Аглям М.* Память // Казань. – 1991. – № 1. – С. 45.
8. *Кутуй Р.* О М. Агляме // Казань. – 1991. – № 1. – С. 45.
9. *Еники А.* Мы будем в семье Европы // Казань. – 1993. – № 1. – С. 163.

Поступила в редакцию
26.01.11

Небольсина Маргарита Викторовна – соискатель Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, заведующий сектором кадров Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.

E-mail: mvnebolsina@mail.ru